

З. А. БАРБАРУНОВА, А. В. КОПРШИВОВА

МОЛОДЕЖЬ ЮГА РОССИИ В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ РЕСПУБЛИКЕ (1920–1930-е гг.)

Данная работа представляет собой опыт историко-социологического исследования групп эмигрантов в возрасте до 35 лет. Рамки исследования ограничиваются уроженцами Области Войска Донского, Области Терского казачьего войска, Кубанской области и Черноморской губернии.

Ключевые слова: эмиграция, казаки, донские, кубанские, терские, «иногородние», чешские колонисты, гимназисты, студенты, Чехословакия, Русская Акция Помощи

Чехословацкая республика (ЧСР) была одной из стран, которые приняли русских беженцев по окончании гражданской войны на их родине. Правительство разработало и финансировало за счет государственного бюджета т.н. «Русскую акцию помощи» (1920-е гг.), которая позволила предоставить изгнанникам всестороннюю помощь; особенно в сфере образования¹. Положение российских эмигрантов в Чехословакии и проведение «Русской акции» нашли отражение в ряде работ как чешских, так и российских исследователей. Наиболее значимыми в этом плане являются исследования Е.П. Серапионовой, И.В. Сабенниковой, Л.С. Кишкина, А.В. Копршиновой и З. Сладека². К.Б. Егорова и Л.С. Кишкин обращались непосредственно к проблемам учащейся молодежи в Чехословакии³. Однако эти исследования рассматривали эмигрантскую колонию как целое, игнорируя специфику региональных, культурно-этнических групп российской эмиграции, каковой, в частности, являлись выходцы с Юга России, значительную часть из которых составляли казаки. Положение казаков-эмигрантов в Чехословакии представлено в работах Е.Б. Парфеновой и О.В. Ратушняка⁴. Интересна в этом отношении и монография О.В. Ратушняка, обобщающая российскую историографию по истории казачьего зарубежья⁵.

В статье представлен анализ социально-демографических процессов в среде учащейся эмигрантской молодежи Юга России в ЧСР (1920–1930-е гг.). В эту группу входят выходцы из казачьего сословия, т.н. «иногородние» жители станиц и городов Дона, Кубани и Терека, а также небольшое число детей чешских колонистов Черноморской губернии⁶.

---

¹ Документы к истории русской и украинской эмиграции... С. 9.

² Серапионова 1995; Сабенникова 1995; Кишкин 1996; Копршинова 2001; Сладек 1993.

³ Егорова 2011; Кишкин 1993.

⁴ Парфенова 1997; Ратушняк 2013.

⁵ Ратушняк 2015. С. 119–127.

⁶ Птицын. 2014. С. 71–76.

Анализ статистики персональных данных этой общности позволит уточнить многие параметры их жизни в изгнании⁷.

При подготовке статьи использованы преимущественно документы Государственного Архива Чешской Республики (Národní archiv České republiky (NA ČR), к которым относятся:

- решения МИД ЧСР (MZV RPA) о предоставлении и продлении русским эмигрантам вида на жительство в стране (1922–1937 гг.),
- документы МВД ЧСР, Полицейского управления г. Праги (MV ČR. PŘ Hl.m. Praha. Evidence obyvatel) за 1930–1941 гг. по вопросам получения русскими эмигрантами гражданства ЧСР,
- документы о легитимации русских эмигрантов, заверенные общественными организациями эмигрантов: ЗЕМГОР в ЧСР, Объединенный комитет казаков Дона, Кубани и Терека, Громада украинцев в ЧСР и др.,
- нансеновские паспорта, выданные русским эмигрантам, проживающим на территории ЧСР в 1920–1930-е гг.,
- документы MZV RPA, касающиеся оформления процедуры репатриации эмигрантов в РСФСР и УССР 1920-е гг.,
- документы Комитета помощи русским, украинским и белорусским студентам в ЧСР за 1920-е – нач. 1930-х гг.

Обработаны документы из пятидесяти одной единицы хранения (karton) NA ČR. Выявлены персоналии, достоверно отнесенные к выходцам с: Дона – 251, Кубани – 293, Терека – 23. Всего: 567 человек.

Большинство молодых людей покинуло Россию в начале 1920-х во время эвакуации Русской армии генерала П.Н. Врангеля из Крыма, вместе с родителями или родственниками, принявшими сторону Белого движения или в составе воинских частей, лазаретов и кадетских корпусов. После содержания в лагерях беженцев в Турции, Греции и на острове Лемнос, они были переправлены в Болгарию и Королевство сербов, хорватов, словенцев (КСХС). Оттуда, получая разрешения на въезд для продолжения образования, они прибывали в 1921–1922 гг. в ЧСР организованными транспортом. До 1925 г отдельные молодые люди самостоятельно, иногда без документов и визы, пробирались в Чехословакию из Болгарии, КСХС и других стран Европы. Многие молодые люди не успели на родине получить даже среднее образование. «Русская акция» в ЧСР предоставляла возможность молодежи разных возрастов закончить среднее, высшее образование или ремесленную школу.

Приехавших в 1921–1922 гг. эмигрантов содержали максимум два дня в военных карантинных пунктах, где они проходили медицинский осмотр (заразно больных и раненых посылали на лечение), карантинную

⁷ Ранее нами был предложен опыт подобного исследования пребывания кубанской молодежи в Чехословакии. См.: Априк, Барбарунова, Копшинова 2016.

баню и получали сменную одежду. Затем их селили в пражские общежития «Свободарну», «Худобинец» и др. Проживание было бесплатным, питание отвечало общему уровню жизни чехов того времени⁸.

Всю молодежь с Юга России, прибывшую в 1921-1925 гг., можно условно разделить на две группы, исходя из даты рождения и степени ранее полученного образования, что могло им позволить или не позволить сразу начать учебу в вузе или 2-хлетней профессиональной школе.

Первая группа (373 исследованных) состоит из молодых людей неженатых или оставивших семьи в России (96%), а также девушек и женщин, приехавших с мужьями, в составе семей или самостоятельно (4%). Все они родились в 1884–1905 гг. и успели получить какое-то образование в дореволюционной России. Эта группа сразу начала учебу в русско- или украинско-язычных вузах Чехословакии и в двухлетних ремесленных школах, созданных при содействии чехословацкого правительства и российской эмигрантской профессуры. Фактором, объединяющим студентов и учащихся ремесленных школ в одну группу, стало получение ими на руки стипендии для самостоятельного проживания – в отличие от гимназистов, которые жили в основном в интернатах на полном пансионе. Лицам, не имевшим при себе документов о ранее полученном среднем образовании, пришлось испрашивать в 1922–1925 гг. их копии из Советской России. В ином случае, студенты должны были сдать дополнительные экзамены за курс средней школы, т.н. «матури-ту», в течение первого года обучения в вузе.

В первой группе, в большинстве своем не учившейся на чешском языке, бытовали настроения, свойственные старшему поколению эмигрантов – ожидание возвращения на родину после падения большевистской власти. Относящиеся к ней молодые люди, живя в чешской среде, не консолидировались с местным обществом, создавая свои общественные организации, газеты и журналы. Примерно к 1927 г., когда надежды на возвращение у большинства эмигрантов были потеряны, а высшее образование закончено, или находилось в стадии окончания, перед этой группой возникла проблема поиска работы. Не найдя себе применения в ЧСР, многие молодые люди вынуждены были переселиться во Францию или ее колонии в Северной Африке; в Аргентину, Парагвай, Канаду или же вернуться к своим семьям в Болгарию и Югославию. Небольшое число молодых людей (4%) в 1923-1927 гг. приняли решение о возвращении на родину и выехали в СССР. Средствами на оплату переезда молодые люди, как общее правило, не располагали, обращались за помощью к местным властям; источники показывают, что полученные ссуды в абсолютном большинстве случаев не возвращались⁹.

⁸ Копришова 2001. С. 12-15, 18-19.

⁹ Копришова 2001. С. 47-59.

Вторая группа включала 194 исследуемых, рожденных в 1900 – начале 1930-х гг. Она состояла в основном из учащихся русских гимназий в Праге и Моравской Тшебове; выпускников гимназий, кадетских и средних школ в Болгарии и КСХС. Девочек и девушек в этой группе было больше, чем в первой (ок. 20%), а создавших свои семьи в ЧСР – 17%. Эта группа, в отличие от первой, уже в гимназические годы связала себя со страной пребывания: говорила по-чешски, училась и жила с детьми чешских колонистов и легионеров из России, знавших русский язык, в большинстве своем православных. Представители этого поколения участвовали в соревнованиях русских и чешских «сокольских» команд, чаще своих старших товарищей продолжили учебу в вузах на чешском языке (20% из числа гимназистов), молодые люди, преимущественно кубанцы, нередко заключала браки с чешками.

На выбор факультетов у молодежи повлиял традиционный для них хозяйственный уклад Юга России. Они предпочли факультеты: агрономический (32%), медицинский (17%), механико-технологический (13%), торгово-экономический (11%), строительный (8%) и электромеханический (7%). Учащиеся двухлетних ремесленных школ (44 человека) выбрали Русское высшее училище техников путей сообщения, электротехническую и автотракторную школы в Праге, Земскую молочную школу в Кромежиже, Начальную сельскохозяйственную школу в г. Писек, Специальную женскую школу кройки и шитья в Праге. Они также обучались садоводству, виноградарству, скотоводству, плетению лозы и другим ремеслам в разных местах ЧСР.

К 1929 г. между двумя группами молодых эмигрантов уже не наблюдалось существенных различий в отношении интеграции в чехословацкое общество. Более адаптированная к жизни в ЧСР вторая группа, в силу своего позднего возраста рождения, подошла к окончанию высшего образования, когда начался мировой экономический кризис 1929 г. Закон об охране местного рынка труда от 1929 г. не только ограничил прием на работу эмигрантов, но и требовал их увольнения с чехословацких предприятий и фирм. За уклонение от его исполнения работодателя штрафовали на 10 тыс. крон (прожиточный минимум эмигранта был в среднем 500 крон в месяц)¹⁰. Исключением являлись специалисты, в которых были заинтересованы работодатели, например, инженеры на заводах «Шкоды», горные инженеры и высококвалифицированные врачи. В таких случаях владельцы или управленцы предприятий должны были защищать своих работников перед Министерством труда ЧСР.

К этому времени ЧСР постепенно закрывает «Русскую акцию» и уменьшает суммы на поддержку русских учащихся. Однако до 1932 г. правительство позволило доучиться 1420 студентам и гимназистам для

¹⁰ Na ČR. F. MZV RPA. Karton 305.

получения дипломов за счет дополнительного финансирования¹¹. Выпускники вузов 1930–1932 гг. до конца десятилетия с трудом подыскивали себе постоянные места занятости. В поисках средств пропитания приходилось покидать Прагу, довольствоваться сезонными поденными заработками в провинции. Между тем, отсутствие трудоустройства ставило под вопрос возможность пребывания эмигранта с нансеновским паспортом в стране. Власти ЧСР последовательно и жестко боролись с бродяжничеством. Полиция строго проверяла наличие прописки по определенному адресу. В такой ситуации безработным эмигрантам, при невозможности платить за фактическое жилье, приходилось платить арендаторам даже за номинальный адрес. Бездомных, найденных ночующими в укромных углах общественных мест, подвергали аресту на 2 дня с предписанием встать на учет по безработице. Однако чиновники местных управлений труда отказывались регистрировать лиц с нансеновскими паспортами в качестве «безработных». Счастьем было упасть в голодный обморок на улице и провести 2 месяца в больнице по причине «полного истощения»¹². Чешский Красный Крест выдавал субсидию 100 крон в месяц инвалидам, хронически тяжело больным и многодетным семьям без отцов, но не безработным выпускникам учебных заведений¹³. От экономического кризиса и безработицы, достигшей почти миллиона человек (10–15% населения к марту 1933 г.)¹⁴, страдали все граждане ЧСР. Но для эмигрантов без подданства, с нансеновскими паспортами условия жизни были гораздо суровее. В этот период, на фоне коммунистической пропаганды об успехах жизни в СССР, изменилось к худшему и отношение к русским эмигрантам чешских обывателей. Они уже не видели причин помогать им.

Во второй половине 1930-х гг. наметилось оживление экономики: вновь стали развиваться отрасли промышленности, особенно связанные с вооружением, строительством дорог и оборонительных сооружений вдоль границ. Появилась нужда в квалифицированных рабочих и специалистах. После Мюнхенского соглашения ситуация на рынке труда облегчилась в связи с отделением от Чехословакии Словакии и Подкарпатской Руси. В связи с возникшим там спросом на квалифицированный труд, туда потянулись эмигранты, получившие образование в ЧСР.

Некоторые молодые люди в период с 1932 по 1938 гг., осознав сложности, вытекающие из их долголетнего проживания в стране без принятия подданства, приняли гражданство ЧСР. В последующий период, до 1941 г., только единицы смогли получить чешский паспорт.

---

¹¹ Na ČR. F. MZV RPA. Karton 314.

¹⁸ Na ČR. F. MZ ČR. PŘ Hl.m. Praha. Evidence obyvatel. Semen Špyg.

¹⁹ Na ČR. F. MZV RPA. Karton 305.

²⁰ Soběhart 2013. С. 93.

С 1939 г. в Чехии открылась возможность отъезда на работу в Германию, в том числе для специалистов-эмигрантов. Большинство из тех, кто воспользовался этим шансом в ЧСР более не вернулись: некоторые погибли при бомбежках, другие опасались обвинений в сотрудничестве с фашистской Германией – через лагерь для перемещенных лиц в 1945–1947 гг. они перебрались на Запад.

Немногочисленная группа русских эмигрантов, испросив советское подданство, была репатриирована в СССР (1945–1947 гг.)¹⁵.

Таким образом, исследование социально-демографических процессов в среде учащейся эмигрантской молодежи Юга России в ЧСР (1920–1930-е гг.), представленной выходцами из казачьего и не казачьего сословия станиц и городов Дона, Кубани и Терека, а также небольшой группой чешских колонистов Черноморской губернии, способом статистической обработки персоналий, выявило:

- наличие двух групп, различающихся по дате рождения и уровню дореволюционного образования, что явилось причиной разных путей и скорости интеграции этих групп в ЧСР;
- существенные отличия кубанской диаспоры от донской и терской в процессе интеграции в чехословацкое общество за счет свободного владения украинским и русским языками, что расширило для них круг учебных заведений, ускорило освоение чешского языка, создало условия для заключения браков с гражданками ЧСР;
- общая для обеих исследованных групп приверженность к традиционным способам хозяйствования, что выразилось в выборе профессий в процессе образования в ЧСР.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Národní archiv České republiky (NA ČR). Fond. Ministerstvo Zahraničních Věcí. Ruská Pomocní Akce (MZV RPA). Kartony 39, 50, 51, 73, 77-80, 89, 91, 98, 100, 104-107, 110, 111, 139, 142-145, 147, 150, 152, 159, 160-165, 168, 172, 199-201, 206, 207, 209, 212-217, 291, 302, 305, 309, 314, 315, 334, 335, 338, 363.

Národní archiv České republiky (NA ČR). Fond. Ministerstvo Vnitřní ČR. Policejní ředitelství HL.m. Praha. Evidence obyvatel.

Личный архив А.В. Копшиевой. Прага. Чешская республика.

Русские в Праге 1918-1928 гг. Редактор-издатель С.П. Постников. Прага. 1928 г. С. 69-114. Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой республике (1918–1939) З. Сладек, Л. Белошевская и колл. Славянский институт АН ЧР, Прага 1998. 344 с.

Kopřívova A. Střediska ruského emigrantského života v Praze (1921-1952). Praha, 2001. 122 s. Soběhart R. Hospodářské dějiny Československa 1918-1992. Praha. 2013. 207 s.

Априк М.Ю., Барбарунова З.А., Копшиова А.В. Кубанская молодежь в Чехословацкой Республике (1920–1930-е гг.) // Российское казачество: проблемы истории, возрождения и перспективы развития: сб. ст. Краснодар. 2016. С. 13-18 [Aprík M.Yu., Barbarunova Z.A., Kopshivova A.V. Kubanskaya molodezh' v Chekhoslovackoj Respublike (1920-1930-e gg.) //Rossijskoe kazachestvo: problemy istorii, vozrozhdeniya i perspektivy razvitiya: sb. st. Krasnodar. 2016. S. 13-18].

²¹ Kopřívova. 2001. С.78-82.

- Егорова К.Б. «Русская акция» Т.Г. Масарика в поддержку образования детей из семей русских эмигрантов // Мир детства в русском зарубежье: III Культурологические чтения «Русское зарубежье XX века». М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2011. С. 28-33 [Egorova K.B. «Russkaya aktsiya» T.G. Masarika v podderzhku obrazovaniya detey iz semej russkikh emigrantov // Mir detstva v russkom zarubezh'e: III Kul'turologicheskie chteniya "Russkoe zarubezh'e XX veka". M.: Dom-muzej Mariny Cvetaevoy, 2011. S. 28-33].
- Кишкин Л.С. О русской эмигрантской молодежи в Праге (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 95-98 [Kishkin L.S. O russkoj emigrantskoj molodezhi v Prage (1920–1930-e gody) // Slavyanovedenie. 1993. № 4. S. 95-98].
- Кишкин Л.С. Русская эмиграция в Праге: печать, образование, гуманитарные науки (1920–1930-е годы) // Славяноведение. 1996. № 4. С. 3-10 [Kishkin L.S. Russkaya emigratsiya v Prage: pechat', obrazovanie, gumanitarnye nauki (1920-1930-e gody) // Slavyanovedenie. 1996. № 4. S. 3-10].
- Парфенова Е.Б. Казачья эмиграция в Чехословакии // Русская эмиграция в Чехословакии: сб. науч. тр. СПб., 1997. С. 27-32 [Parfenova E.B. Kazach'ya emigratsiya v Chekhoslovakii // Russkaya emigratsiya v Chekhoslovakii: sb. nauch. tr. Spb., 1997. S. 27-32].
- Птицын А.Н. Социально-демографические процессы в чешских колониях на Кавказе в дореволюционный период // Гуманитарные и юридические исследования. СКФУ. Ставрополь. 2014. 71-76 с. [Ptitsyn A.N. Social'no-demograficheskie processy v cheshskikh koloniyah na Kavkaze v dorevolucionnyj period // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. SKFU. Stavropol'. 2014. 71-76 s.]
- Ратушняк О.В. Казачество в эмиграции (1920-1945 гг.). Краснодар: Кубанский гос. ун-т. 2013. 246 с. [Ratushnyak O.V. Kazachestvo v emigratsii (1920-1945 gg.). Krasnodar: Kubanskij gos. un-t. 2013. 246 s.]
- Ratushnyak O.V. Izuchenie kazach'ego zarubezh'ya v rossijskoj istoriografii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya. 2015. № 4. S. 119-127 [Ратушняк О.В. Изучение казачьего зарубежья в российской историографии // Вестник Томского государственного университета. История. 2015. № 4. С.119-127].
- Сабенникова И.В. Русская эмиграция в Чехословакии: образование, наука, просвещение // Педагогика. 1995. № 3. С. 51-55 [Sabennikova I.V. Russkaya emigratsiya v Chekhoslovakii: obrazovanie, nauka, prosveshchenie // Pedagogika. 1995. № 3. S. 51-55].
- Серапионова Е.П. Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20-30-е годы). М., 1995. 198 с. [Serapionova E.P. Rossijskaya emigratsiya v Chekhoslovackoj respublike (20-30-e gody). M., 1995. 198 s.]
- Сладек З. Русская эмиграция в Чехословакии: развитие "русской акции" // Славяноведение. 1993. № 4. С. 28-38 [Sladek Z. Russkaya emigratsiya v Chekhoslovakii: razvitie "russkoj akcii" // Slavyanovedenie. 1993. № 4. S. 28-38].

Барбарунова Зоя Александровна, независимый исследователь; transmer@mail.ru
Копришова Анастасия Васильевна, консультант Славянской библиотеки в Праге, Чешская Республика; kopriiva.vlk@centrum.cz

Young Generation of Don, Kuban and Terek Cossacks in Czechoslovak Republic (1920s-1930s)

This work is an example of the historically sociological research, analyzing the groups of Don, Kuban and Terek immigrants up to 35-year-old, who came to Czechoslovakia to study in the period of the Russian auxiliary actions of Czechoslovakia. These groups include the young generation of Cossacks and urban citizens from the Don, Kuban, Terek, and also Czech colonists from the Black Sea provinces.

Keywords: emigration, Don, Kuban and Terek Cossacks, urban citizens, Czech colonists, gymnasium, students, Russian auxiliary actions, Czechoslovakia

Zoya Barbarunova, independent researcher: transmer@mail.ru

Anastasia Koprshivova, consultant of the Slavonic Library in Prague (Czech Republic); kopriiva.vlk@centrum.cz